

Т. А. МИХАЙЛОВА

ИРЛАНДИЯ ОТ ВИКИНГОВ ДО НОРМАННОВ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА,
ИСТОРИЯ

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

Т. А. МИХАЙЛОВА

ИРЛАНДИЯ
ОТ ВИКИНГОВ
ДО НОРМАННОВ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2012

УДК 80/81
ББК 81.2Ирл-2
М 69

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 12-04-16052

Рецензенты:

доктор филологических наук *Н. А. Ганина*,
кандидат филологических наук *Е. А. Парина*

Ответственный редактор

доктор филологических наук *И. И. Чельшева*

Михайлова Т. А.

М 69 Ирландия от викингов до норманнов: Язык, культура, история. — М.: Языки славянской культуры, 2012. — 400 с., ил.

ISBN 978-5-9551-0615-1

Книга представляет собой попытку интерпретации резких изменений, затронувших как социальное устройство, так и культуру и язык Ирландии в течение IX—XII столетий. Эти перемены начались с приходом в Ирландию викингов, и последствия этого почти трехвекового завоевания принято оценивать отрицательно. Однако автор пытается взглянуть на эту давнюю проблему по-новому и стремится найти положительные стороны присутствия викингов в социальном и культурном пространстве Ирландии. С одной стороны, он видит их в многочисленных приобретениях (ко-рабельное дело, рыболовство, возникновение городов, появление рынков, чеканка монет и т. д.), с другой — дает описание последствий разрушения замкнутости ирландской культуры раннего Средневековья, проявившихся в появлении новых тем и сюжетов в нарративной традиции, возникновении собственной историографии, открытости влиянию европейской культуры в целом, включая античную. Социальные и культурные перемены неизбежно повлекли за собой и чисто языковые изменения, которые объясняются влиянием викингов лишь опосредованно, но которые также образуют стройную систему.

Издание предназначено для всех интересующихся кельтским и скандинавским Средневековьем, а также для филологов, историков и лингвистов широкого профиля.

ББК 81.2Ирл-2

*В оформлении переплета использована фотография
“Looking down to the sea”, Dave Cook*

ISBN 978-5-9551-0615-1

© Институт языкознания РАН, 2012

© Т. А. Михайлова, 2012

© Языки славянской культуры, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	7
<i>Глава I. Скандинавское завоевание</i>	11
Золотой век древнеирландской культуры: несколько слов вместо введения	11
Нашествие викингов: исторический план	17
Скандинавские заимствования	52
Скандинавское завоевание: результаты и последствия	67
Образ викинга в ирландской средневековой традиции	76
<i>Глава II. Культура и история: X—XII вв.</i>	92
Анналы	92
Книга захватов Ирландии	113
Осмысление Библейской традиции: <i>Псалтырь строф</i> и другие трактаты (несколько наблюдений)	135
<i>Чудо Колума Килле</i> — памятник XI века?	166
Предания о королях Ирландии	200
<i>Разрушение Трои</i> и другие обработки античных сюжетов	252
<i>Глава III. Среднеирландский язык</i>	292
«Среднеирландский» — проблема временных рамок	292
Лексические изменения	297
Перестройка фонетической системы	314
Артикль	318
Существительное	322
Прилагательное	328
Перестройка системы личных местоимений	332
Финитные и нефинитные формы глагола, выделение копулятивных конструкций	341
Именной указатель	361
Принятые сокращения и литература	371

ОТ АВТОРА

Наше исследование было задумано как продолжение вышедшей в 2010 г. книги *Древнеирландский язык: краткий очерк*. Ограничив исторически объект нашего описания кратким временем с 795 до 1169 гг., а лингвистически — так называемым «среднеирландским периодом» истории ирландского языка, мы собирались набросать поверхностную схему социальных и исторических перемен, произошедших в это время и вызванных, естественно, завоеванием викингов, затем — кратко охарактеризовать основные памятники словесности указанной эпохи, и затем — уже более основательно описать главные языковые изменения, которые, так сказать, проложили мостки от вычурного, книжного древнеирландского языка к живому языку современных ирландских диалектов. Последнюю задачу в основном мы считаем выполненной, хотя и тут обнаружилось огромное количество лакун, которые еще только предстоит заполнить (например, системное развитие лексики и семантики, изменение системы числительных и использование счета «по двадцаткам», развитие копулятивных конструкций на фоне постепенного исчезновения номинативных клауз и многое другое). В том, что касается задачи первой (краткая характеристика культурных и социально-исторических изменений), то тут мы столкнулись с таким количеством проблем, загадок и парадоксов, что задуманный в начале как «вводный», этот раздел нашего исследования постепенно сам собой разросся и превратился чуть ли не в основной и самоценный. Степень глубины анализа описанного нами материала не всегда одинакова: местами это попытка дать относительно поверхностный очерк, местами не удавалось удержаться от более подробного исследования. Ну что же, значит так тому и быть.

Дело, видимо, в том, что мы постепенно поняли, что вся «древнеирландская архаика», которую принято датировать раннехристианским периодом (VI—VIII вв.) и за которой принято было просматривать еще более ранние пласты устной языческой культуры, на самом деле оформилась в нарратив именно в среднеирландский период (X—XII вв.), когда возникла потребность в диалоге уже не с латинской ученой традицией, а с собственной культурой прошлых столетий, с собственной архаической традицией, которую для этого еще надо было... создать. Кроме того, изобретенную «историю гойделов» надо было еще как-то соотнести с мировой историей, да и с какими-то фрагментами, действительно восходящими к более ранним местным устным преданиям. И происходило это во многом противоречиво, непоследовательно, иногда — наивно, иногда — искусно. Наверное, нашу позицию здесь можно назвать разоблачительной, но конечно, далеко не все загадки были нами разгаданы и далеко не все «спрятанные источники» были найдены и раскрыты. Возможно, и в нашей «разоблачительности» есть тоже доля наивности: и историки, и поэты, и составители нарративной традиции того времени, как мы подозреваем, уже во многом утратили присущую более ранним компиляциям (надо же хоть во что-то верить!) установку на достоверность. Не случайно писец XII в. закончил знаменитую эпопею *Похищение Быка из Куальнге* в «Лейнстерской книге» такими словами: «Благословение каждому, кто достоверно запомнит *Похищение*, как записано здесь, и ни в чем от него не отступит». За этим торжественным финалом добавлена фраза на латинском языке (предположительно она принадлежит так наз. «писцу Т», см. [O’Sullivan 1966: 24]): «Я же, который записал эту повесть (*historiam*), а точнее вымысел (*fabulam*), не беру на веру рассказанных здесь историй. Ибо многое здесь наущение лукавого, иное причуда поэзии. Одно возможно, другое нет. Иное назначено быть развлечением глупцам» [Похищение 1985: 327].

Мы предполагали также дать краткий очерк того, что мысленно называли «диалогом с собственной традицией», воплотившимся как в многочисленных ученых трактатах и описаниях, так и в среднеирландских глоссах к более ранним текстам. Мы полагали, что именно глоссы могут продемонстрировать а) как изменилась социокультурная ситуация в стране и б) как изменился за три-четыре столетия сам ирландский язык. Мы и сейчас продолжаем так считать, более того, мы пришли к мнению, что среднеирландские глоссы к более ранним тек-

стам, причем рассмотренные именно с двух названных нами фокусов исследования, представляют собой настолько важный и интересный объект изучения, что он достоин отдельной, глубокой и кропотливой работы, находящейся уже за рамками нашего обзорного очерка¹. Мы надеемся еще не раз возвращаться к данной проблеме и призываем обратить на нее внимание наших читателей.

Условно говоря, «ученые трактаты» (*Старины мест*, Dindshenchas, *Перечни жен*, Van-shenchus, *Верность имен*, *Sóig Anmann*, разного рода поучения, а также огромный пласт агиографической литературы и многое другое) — все это также осталось вне нашего специального исследования и если и фигурирует где-то, то скорее как фон общей нарративной традиции, общей совокупности фоновых знаний ученой аудитории нашего периода. Но мы понимаем важность этого фона, без которого, наверное, и не могли бы быть созданы дошедшие до нас тексты-нарративы.

А создано в описанный нами трехвековой период было на самом деле так много, и творения эти были столь разнообразны, что невольно задаешься вопросом: а так ли уж проиграли ирландцы от вторжения викингов? Так ли уж значительны были их потери по сравнению с приобретениями? И стоит ли жалеть о том, например, что тяжелый древнеирландский «глагольный комплекс» уступил место легким среднеирландским аналитическим конструкциям? Все это, как и многое другое, не было упадком, это была жизнь во всем ее разнообразии форм и проявлений. Период «упадка и разрушения» начался в Ирландии только после 1169 г. с приходом норманнов, да и то не сразу. Но пока не будем об этом!

---

¹ В качестве очень частного примера подобного подхода см. нашу небольшую работу «Почему не следует впускать волчицу в свой дом, или Древнеирландская юридическая традиция глазами среднеирландского глоссатора (к трактату *О кровавом лежании*)» в [Михайлова 2004а: 149—166].

Глава I

СКАНДИНАВСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Золотой век древнеирландской культуры: несколько слов вместо введения

Период с конца VI до конца VIII века принято называть «золотым веком» древнеирландской культуры. Как пишет, например, известный историк ирландской церкви Кэтлин Хьюз: «Присущая ирландцам любовь к учености, унаследованная ими еще от времен язычества, сочеталась с любовью к письму и изобразительному искусству в целом. Поэтому латинское христианство породило так много рукописей. Художники украшали их миниатюрами, выполненными как в старом стиле, так и по новым образцам. Ирландские кузнецы посвящали свое мастерство прославлению Христианской церкви. Ирландцы отправлялись в паломничества, “в поисках спасения и одиночества”, но также крестили народы. Они основывали скриптории и на Континенте, писали ученые труды и помогали расцвету ученой премудрости в Галии IX в.» [Hughes 1967: 90]. Действительно, нарисованная картина во многом верна, и в данный период действительно Ирландия являла собой своего рода «остров учености», где на христианской базе создавались и латинские труды, и автохтонные трактаты, писались стихи как религиозного, так и светского содержания, формировались законы и даже — записывались саги, действие которых уходит далеко в языческое и мифическое прошлое. И все же нарисованная картина, наверное, выглядит слишком идиллической. Говоря о расцвете ученой традиции в раннехристианской Ирландии, мы не должны думать, что на смену воинственному железному веку с принятием христианства автоматически наступил век золотой, прерванный лишь из-за вторжения скандинавских орд.

Далеко не гладко складывались и взаимоотношения между властью светской и представителями Церкви. В их конфликтах можно увидеть, в принципе, продолжение соперничества между жреческим институтом и властью военной. Если изначально в религии кельтов главенствующее положение занимал друид, стоящий выше короля, то с развитием социальных отношений, естественно, королевская власть стала претендовать на главенство. Именно это, как принято считать, во многом обусловило относительно раннее и мирное принятие христианства: оно призвано было сменить друидизм, уже себя изживший. При этом, как принято считать, представители христианской Церкви отчасти унаследовали функции друидов, с одной стороны, способность к магическому «слову», с другой — особое, почетное положение в обществе. Как писал еще А. Н. Веселовский: «Когда с водворением христианства значение друида поблекло, его место за царской трапезой занял священник, но непосредственно за ним сидит оллам, королевский фил, старший в иерархии. Представители светского знания и предания, филы остались, их ореол лишь немного потерял от своего прежнего блеска» [Веселовский 1989: 326]. К «почитаемым сословиям» относили деятелей церкви и ранние правовые трактаты. Так, например, известный трактат, датируемый началом VIII в. *Crith Gablach* (усл. пер. «Добыча вил»?) кончается словами:

Cía de as sruithiu, in rí g fa epscop? Is (s)ruithiu epscop, húare arnéraig rí(g) fo bith creitme; tuargaib epscop dano a glún ria rí g [CG 24] — Кто более почитаем? Король или епископ? Более почитаем епископ, ибо встает король перед его религией; встает же епископ с колен перед королем.

Но действительно ли взаимоотношения между светской и церковной властью в доскандинавский период складывались так узаконенно гладко?

В саге *Борома* есть небольшой, но достаточно яркий эпизод разговора короля Аэда со святым Колумом Килле, в ходе которого Аэд спрашивает: «Сколько из тех королевей, что встретил ты, отправятся в рай?» Колум Килле отвечает ему, что лишь трое, и первым называет правителя Айргиаллы некоего Даймина Дамаргайта: «Ибо не случилось ему отказать клирику или попрекнуть его, и никогда не посягал он на храм и часовню, а подносил дары Господу» [Предания и мифы...

1991: 185]. Если неизвестный Даймин выделяется этим среди других, то нетрудно представить себе модель поведения по отношению к клиру других ирландских королей.

Конечно, надругательство над святым и проявление неуважения к нему в самом высшем смысле не умаляло его святости, поскольку не лишало его уподобления Высшему Образцу и, возможно, даже напротив, приближало его к нему, придавая особый налет мученичества. Интересно, что именно так понимал это и сам святой Патрик, который в своей *Исповеди* неоднократно упоминал о гонениях и притеснениях, отчасти даже преувеличивая их степень. «Я отправился к ибернским язычникам, — говорит он, — проповедовать Евангелие и переносить поругания от неверных, и претерпеть поношение в странствии своем, и многие преследования, вплоть до оков» [Патрик 1995: 148]. Если упоминание оков в данном случае является скорее речевым жанровым штампом, то тем не менее говорить о том, что его миссия проходила совершенно беспрепятственно, мы также не можем. Но идея жертвенности и претерпевания оскорблений и им самим, и его последующими интерпретаторами могла мыслиться как нечто обязательное. Интересно, что именно в таком духе объясняет неизвестный составитель так называемого «псевдоисторического» Пролога к трактату *Senchus Mor* эпизод убийства братом короля Лойгайре Нуаду близкого друга и, видимо, возникшего святого по имени Одран: король якобы хотел проверить, придерживается ли Патрик на практике христианского идеала всепрощения (см. [McCone 1986]). Патрик, как сказано в этом тексте, в дальнейшем добился того, что Нуаду был казнен, но при этом заручился для него прощением Небес и гарантией вечной жизни (как мы понимаем, совершенно новая и во многом революционная идея для языческой Ирландии середины V в., чьи представления об ином мире до сих пор не ясны и являются предметом спорных реконструкций), но в данном случае главное для нас не в этом. Если, возможно, эпизоды, в которых ирландский святой изображается униженным, и появляются в текстах исторических саг и в житийной литературе не по «недомотру» составителя, случайно пропустившего их, а с известной долей намеренности, — то есть как иллюстрация смирения святого и уподобления его Христу — это ни в коей мере не оправдывает поведение самих ирландских королей. Причем мы не можем предполагать, что сцены, подобные приведенной выше, были лишь вымыслом, выгодно оттенявшим личность изображаемого святого, подобно описанию со-

вершаемых им чудес и реализации его проклятий. Их достоверность подтверждается не только частотой встречаемости в текстах нарративного характера, но и данными хроник.

Как пишет с большой осторожностью та же К. Хьюз в другом месте, «акции насилия светской власти против церкви были не очень часты и до 830 г. распространены не всюду <...> Справедливо будет отметить, что до этого времени, если представители светской власти и совершали насилие против клириков, это обычно не носило массового характера, а было направлено против отдельных личностей <...> К тому же монастырь мог требовать за это компенсации <...> Если церкви и сжигались, то часто это происходило случайно...» [Hughes 1966: 197].

Действительно, первым ирландским королем, который последовательно занимался разграблением церквей и массовыми убийствами клириков, был король Мунстера Федельмид мак Кримтанн (ум. 847), о котором принято говорить, что он «сжег монастырей и церквей больше, чем все викинги вместе взятые»¹, личность яркая и неоднозначная. Однако и до него случаи убийства монахов и разграбления монастырей и церквей были достаточно частым явлением. Так, например, *Ульстерские анналы* отмечают в 746 г. акт вандализма в одной из церквей, вызванный тем, что там пытались укрыться шесть человек, объявленных вне закона: люди короля ворвались туда за ними, в результате чего сама церковь оказалась разграбленной и почти разрушенной, а все шестеро были убиты, видимо, как-то особенно жестоко (в тексте хроники — *сгусиати*, букв. ‘крусифицированы’). В этих же *Анналах* отмечается, что в 776 г. во время конфликта между Уи Нейллами и Мунстером пострадал монастырь Дурроу, а в 780 г. был убит аббат монастыря Дайре. Как пишет Д. О’Коррань, «задолго до начала рейдов викингов ирландские монастыри подвергались нападениям и разграблениям ирландскими же королями» [Ó Connain 1972: 85]. Так, в 757 г. монастырь Келл Мор Дитрайб был сожжен Уи Кримтаннами, в 789 г. король из рода Уи Файлге сжег монастырь Килконферт, а в 793 г. был разграблен и сожжен Армаг. По данным А. Т. Лукаса, за период с 612 до 792 гг. в *Анналах* сожжения и разграбления монастырей упоминаются тридцать раз [Lucas 1967]. Кроме того, возрастающее благосостояние

---

¹ Особой ненавистью Федельмида пользовался монастырь Клонмакнойс. Согласно преданию, королю Федельмиду во сне явился святой Киаран, покровитель этого монастыря, и ударил его копьём в живот. Утром на животе его действительно обнаружилась рана; король уже более не вставал и через год умер.

монастырей превращало их в богатую добычу, особенно во время голода и эпидемий. Так, голод 773 г. вызвал множество набегов на монастыри, а падеж скота в 777 г. привел к нападениям на монастыри Килдаре, Клонмор и Килдалки [Ó Sogáin 1972: 87—88].

Но надо отметить, что вооруженные конфликты могли провоцироваться и самими клириками. Так, короли Блатмак и Диармайд, сыновья Аэда Слане (VII в.), напали на монастырь Рахада, чтобы изгнать из него святого Мохуду, против которого были настроены другие клирики. Более того, так называемые *Belliolum*, «маленькие войны», вспыхивали и между самими монастырями (764 г. — Клонмакнойс и Дурроу, 760 г. — Бирр и Клонмакнойс, 807 г. — Корк и Клонферт) и даже внутри самих монастырей (в 783 г. отмечены боевые действия между сторонниками аббата монастыря Ферн и эконома этого же монастыря). Но все же данные примеры являются скорее исключениями. В основном клирики и монастыри предстают как жертвы алчности и жестокости ирландских королей и их междоусобных войн.

Как известно, большое число ранних ирландских рукописей было обнаружено не в самой Ирландии, а на континенте, что принято объяснять следующим образом: опасаясь разрушительных рейдов викингов, ирландские монахи бежали в Европу, спасая самое ценное, что у них было. Сказанное отчасти также является мифом, поскольку массовая эмиграция из Ирландии началась уже в конце VI в. Как пишет М. Шайтан, «Алкуин, восхвалявший “образованнейших учителей” Ирландии, для населения страны не мог выбрать более мягкого эпитета, чем “народ весьма дикий”. Несоизмеримая разница культурных интересов и полное отчуждение поставили уже давно перед монашеской церковью дилемму: просвещать родину или покинуть ее? <...> Не только жажда применения своих неиспользованных сил и благочестивое рвение, но и *внешнее давление* побуждало ирландцев покидать родину для новой, обетованной земли» [Шайтан 1925: 182]. И поэтому слова Н. Чэдвик о том, что в начале скандинавского вторжения «в эти Сады Гесперид ворвались наши северные соседи викинги и похитили яблоки» [Chadwick 1962: 15], звучат слишком романтично и далеки от истины.

Добавим, что значительный урон духовной жизни в монастырях наносили и частые эпидемии, в основном чумы, которая распространялась очень быстро среди общин, жизнь внутри которых проходила очень «скуденно». Эпидемии 549 и 664—66 гг. не только унесли множество жизней, но и породили в монастырях своего рода «эпидемию

массового ужаса», что также послужило толчком к бегству на континент (см. [Mac Niocaill 1972: 101 ff.]).

Не было единства и внутри власти светской. Говоря проще, Ирландия VI—VIII вв. являла собой арену постоянных междоусобных мелких войн, где понятие власти верховной было лишь мифом и где местные короли сражались между собой за местную же власть². Но все это составляло скорее местный фон, колорит, на котором относительно стабильно могла развиваться духовная жизнь. Как пишет Г. Мак Ниокаль, к концу VIII в. ирландское общество «достигло уровня относительной стабильности <...> Однако стабильность такого рода могла сохраняться лишь до тех пор, пока новый ингредиент не нарушил уравновешенные веса. Этот ингредиент появился в 798 г., когда Викинги сожгли Инис Падриг, разбили раку Св. До-Хонны и начали нападать и грабить Ирландию и Шотландию» [Mac Niocaill 1972: 152].

И все же действительно некое единство в стране в тот период было. Если не единство, то по крайней мере гомогенность, проявляющаяся и в вере, и в языке, и в единой системе установок и ценностей. В частности, это проявлялось и в создании самого древнеирландского языка как нормы. Действительно, как бы ни был сложен язык, которым написаны были саги, поэмы, трактаты, религиозные труды — все это был единый язык, подчиняющийся единой норме, иными словами — используемый единым и гомогенным, причем довольно ограниченным кругом, образованных людей. Мы ничего не знаем о том, какой была устная речь королей и простого люда того времени, но лингвистическая суть перехода от древнеирландского к среднеирландскому достаточно ясно говорит о том, что она была, во-первых, проще, а во-вторых — различалась по диалектам. Впрочем, этот переход может быть назван универсальным: языковые перемены часто выглядят скачкообразными, но на самом деле они зреют внутри предыдущего языкового периода в форме «неправильных» речевых употреблений и лишь ждут удобного предлога, чтобы выплеснуться на поверхность. Таким предлогом действительно стало скандинавское завоевание, и нам лишь остается понять, почему это случилось?

---

² Конечно, сказанное во многом является упрощением. Проблема централизованной власти и власти вообще в ранней Ирландии до сих является предметом многочисленных дискуссий. Отсылаем интересующихся к русскому переводу классической книги Ф. Бирна [Вугпе 1987] — [Бирн 2006], а также к книге [Mac Niocaill 1972].

Нашествие викингов: исторический план

A furore Normannorum libera nos, Domine!
Апокриф

Как пишет М. И. Стеблин-Каменский, до некоторой степени упрощая проблему внезапной скандинавской военной экспансии, «границу между двумя общественно-экономическими формациями — первобытно-общинным строем и феодализмом — образует в истории Скандинавии так называемая “эпоха викингов” (приблизительно от 800 до 1050 г.) <...> Она вошла в историю благодаря той роли, которую сыграли в истории Европы в эту эпоху морские походы и завоевания разбойничьих дружин так называемых “викингов”» [Стеблин-Каменский 1953: 27]. Викинги — понятие не этническое. Так назывались вооруженные отряды из стран Скандинавии: Норвегии и Дании (даны), но, как пишет П. Сойер, «современников мало заботили то, откуда прибыли грабители; в глазах своих жертв они были просто язычниками, идолопоклонниками, пиратами или варварами, и даже тогда, когда их именовали датчанами или норвежцами, эти термины редко использовались в строгом смысле для отделения одних от других. Эта путаница не вызывает удивления. Нападавшие говорили на одном и том же языке, в их арсенале были одни и те же личные имена, все они приплывали по морю и выказывали одинаковое неуважение Церкви. Да и самих викингов подобные различия мало волновали; скорее всего, область, семья или вождь имели для них куда большее значение, чем то, какая из стран, которые мы называем сегодня Норвегией, Данией или Швецией, была исходной точкой их пути» [Сойер 2002: 9—10].

Началом «эпохи викингов» принято считать 8 июня 793 г., когда пираты напали на находящийся на острове у побережья Нортумбрии (в

Британии) монастырь Линдисфарн, почти одновременно было совершено нападение на южные районы¹. В 794 г. был razорен монастырь св. Павла в Ярроу, а еще через год викинги напали на Ирландию: в 795 г. первой жертвой стал находящийся также на острове возле Шотландского западного побережья монастырь Иона, основанный святым Колумом Килле ок. 563 г. Тогда же было совершено нападение на селения вблизи современного Дублина. В 798 г. — на остров Мэн. Экспансия викингов была направлена далеко не только на запад, на Британские острова. Их отряды доходили до Сицилии, Закавказья, Аквитании. Их корабли добрались и до Северной Америки, где была основана колония Винеланд («Страна винограда»), они заселили пустынные земли Гренландии и Исландии. В IX в. известные под именем варягов (от др. исл. *væringjar*) те же викинги достигли Руси, где они были не только грабителями, но и наемниками, а также торговцами². В начале X в. на севере Франции образовалось государство викингов, получившее название Нормандия («Страна северных людей»). Примерно тогда же произошел некоторый спад агрессии, вспыхнувшей вновь к концу века. Лишь в середине XI в. грабительские рейды викингов прекратились и в их истории начался новый этап — развития самостоятельной государственности.

Викингов принято изображать как диких зверей, грабителей, оскверняющих церкви и не знающих жалости в своем стремлении грабить, да и просто — убивать ради самого убийства³. И в общем, во многом это

---

¹ Завершением «эпохи викингов» в отечественной историографии принято считать 14 октября 1066 г. — битва при Гастингсе, «где потомки викингов, франко-норманские рыцари, разгромили англосаксов; те же тремя неделями раньше, 25 сентября 1066 г. при Стемфордбридже одержали победу над войском последнего из конунгов-викингов, претендовавшего на английский престол норвежского короля Харальда Сурового» [Лебедев 2005: 28]. Мне кажется, что говорить о резком завершении «эпохи викингов» не совсем правомерно — их пассионарность как бы постепенно иссякала сама собой, причем по-разному в разных регионах их прежней экспансии, включая ту же Британию, Нормандию, Ирландию и Россию. Возможно, где-то она продолжается и по сей день, приняв мирный лик государственного правления.

² Роль скандинавов в становлении русской государственности — вопрос сложный и отчасти болезненный.

³ Так, в вышедшей недавно популярной книге о викингах упоминается исландец по имени Альвир Детолоуб, который «получил свое прозвище за

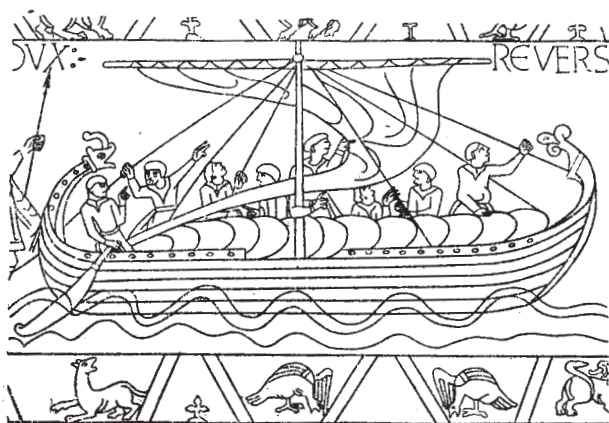

Рис. 1. Корабль норманнов (гобелен из Баё)

действительно было так. Как писал, например, Алкуин: «Уже почти 350 лет мы и наши отцы живем в этой прекрасной стране, и никогда прежде в Британии не бывало такого ужаса, какой ныне мы терпим от этого языческого рода, и никто и не помышлял о том, чтобы с моря можно было совершить подобное нападение» (цит. по [Соьер 2002: 7]). В хронике *Цветы истории* Матвея Парижского «эпоха викингов» оценивается примерно так же: «Послал всемогущий Бог толпы свирепых язычников датчан, норвежцев, готов и шведов, вандалов и фризов, целые 230 лет они опустошали грешную Англию от одного морского берега до другого, убивали народ и скот, не щадили ни женщин, ни детей» (цит. по [Лебедев 2005: 28]).

Действительно, первые набеги совершались именно с моря и, естественно, при этом больше всего страдали острова и прибрежные поселения, в основном — монастыри. Предположительно захватчики были выходцами из Норвегии. После Ионы было совершено нападение на остров Скай, который был «сокрушен и опустошен» (*do choscradh ⁊ do lomradh* [AU, 795.3]), а в 798 г. пострадали уже прибрежные монастыри самой Ирландии: «язычники» (*gentiles*, как называют их ирландские

то, что, как говорится в одной из саг, он запретил своим людям подбрасывать детей в воздух и ловить их на копье, как было принято у викингов» [Будур 2007: 15]

Анналы) угнали скот в районе Бреги и разбили раку св. До-Хонны и осквернили его мощи.

Самые первые нападения были, как правило, отбиты ирландцами, поскольку были малочисленными, флот викингов состоял из одного-двух кораблей. Однако позднее, как пишет О'Коррань, «викинги постепенно освоились с прибрежной полосой Ирландии и поняли, как им следует действовать» [Ó Corráin 2001: 17]. Аналогичная активность викингов примерно в тот же период отмечается практически на всех направлениях их агрессии. Как пишет Г. С. Лебедев: «Уже в первой трети IX в. боевые корабли викингов действовали вдоль всего западно-европейского побережья Атлантики» [Лебедев 2005: 35]⁴.

К началу 840 г. некто по имени Торгейс (о нем ниже) стоял во главе всех викингов, базировавшихся в Ирландии и тогда же, что очень важно, викинги впервые остались там на зиму, разбив лагерь возле озера Лох Нех (на северо-востоке острова). Интересно, что *Ульстерские Анналы* именно этот год отмечают как начало вторжения скандинавов, хотя до этого грабительские рейды упоминаются в них неоднократно: *Annsa m-bliaghain-so thios tangadur Lochlanaidh a n-Erinn ar tus do reir an t-sencusa*. [AU: 298] — «Именно в этот год пришли Лохланны в Ирландию в первый раз, согласно преданиям». *Ульстерские Анналы*, как и многие другие, в дошедшей до нас редакции были составлены достаточно поздно, предположительно в конце XV в. (смерть компилятора Катала Мак Гире датируется 1498 г. [O'Curry 1861: 84]), однако в этой компиляции составители опирались на более ранние обрывочные тексты, до нас в основном не дошедшие. Указанная запись, судя по ее характеру (она выделена в издании), как мы понимаем, представляла собой позднюю вставку, и именно поэтому она предстает особенно значимой, поскольку в ней составители XV в. выходят из жанра сухих погодных записей и пытаются дать своего рода осмысление разных этапов скандинавского вторжения на остров.

---

⁴ Согласно его классификации, активность викингов на Западе подразделяется на три зоны: 1. 1000—12000 км. радиусом; 2. 1500—1600 км.; 3. до 3000 км. Ирландия, видимо, попадала во вторую зону, для завоевания которой «отрядам викингов требовались промежуточные базы на морском побережье в устьях рек или на прибрежных островах Северного моря» [Лебедев 2005: 35—36]. Последнее замечание согласуется с распространенным среди некоторых историков Ирландии мнением о существовании военных баз викингов на севере Шотландии и на Оркнейских островах.

В самом начале вторжения викингов они, как правило, называются в ирландских анналах просто язычниками, как по-ирландски, так и на латыни.

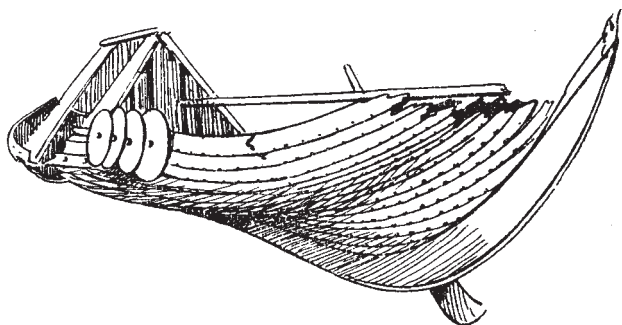

Рис. 2. Корабль викингов (раскопки у Фьорда Кристиании)

Ср., например, выборочные записи из *Ульстерских Анналов*:

795. Loscadh Rechrainne o geinntib & Sci do choscradh & do lomradh. — Сожжение Ратлина язычниками, и Скай подавлен и опустошен.

798. Combustio Inse Patraicc o genntibh, & borime na crich do breith & scrin Do Chonna do briseadh doaibh & innreda mara doaibh cene eiter Erinn & Albain. — Сожжение Острова Патрика язычниками, и они собрали дань скотом, и рака До Хоны разбита ими, и морские рейды этого племени в Эрине и Альбане.

802. I Columbe Cille a gentibus combusta est. — Иона Колума Киле сожжена язычниками.

807. Gentiles combuserunt Insolam Muiredaigh & inuadunt Ross Camm. — Язычники сожгли Остров Муредах и заняли Росс Камм.

811. Strages gentilium apud Ultu. — Поражение язычников от уладов.

813. Ar n-Umill la genti ubi ceciderunt Coscrach m. Flainddabrat & Du-nadhach rex h-Umill. — Разграбление Увала язычниками, где погибли Коскрах, сын Фландабрада, и Дунадах, король Увала.

821. Orggan Etir o genntibh; pred mor di mnaibh do brid ass. — Разбой язычников в Эдире, так что много женщин было захвачено ими.

823. Gentiles inuaserunt Bennchur Mor. — Язычники захватили Бенхур Мор.

825.9 Slat Duin Lethglaisi du genntib. — Дун Летгласс захвачен язычниками.

825.10 Loscuth Maighi Bile cona derthigibh o ghentibh. — *Сожжение Маг Биле со всеми кельями.*

825.11 Roiniudh i m-Maigh Inis re n-Ultaibh for genti in quo ceciderunt plurimi. — *Нападение в Маг Инис язычников на уладов, где погибли многие.*

825.15 Orgain Innsi Daimle⁵ o genntib. — *Разрушение Инис Давле язычниками.*

825.17 Martre Blaimhicc m. Flainn o genntib i nh-I Coluim Cille. — *Мученическая смерть Блатмака сына Фланна от рук язычников на острове Иона Колума Килле.*

Примерно так же описаны викинги первых рейдов в других анналах. Ср., например, *Анналы Иннисфаллена*:

823. Indred Bennchoir o gentib & scrín Chomgaill do brissiud doib & a suid & a h-epscoip do thecht fo gin claidib. — *Разрушение Бенхора язычниками, и рака Ковгалла была ими разбита, и его мудрецы и епископы были убиты мечами.*

824.1. Mag m-Bile & Bennchor do orgain d(o) gentib. — *Мовиль и Бенхор разграблены язычниками.*

824.3. Scelec do orgain do gentib & Etagal do brith i m-brait co n-erbailt gorta léo. — *Скеллиг разграблен язычниками и Эдгал был взят ими в плен и умер у них от голода.*

833. Les Mór Mo Chutu d'orgain do gentib & Cell Mo Laisse. — *Лес Мор Мохуты разграблен язычниками и Церковь Мо Лайсе.*

Ср. также из *Chronicon Scotorum*:

806. Muintir hIle do marbadh o gentibh .i. lxiiii. — *Люди общины Ионы убиты язычниками, т. е. 68 человек...*

И так далее.

В данном случае особняком стоят *Анналы четырех мастеров*⁶, в которых в записях, относящихся к первым двум декадам IX в., викинги называются странным эвфемизмом — *almuirech* (*al* 'от, вне' + *tuir* 'море'), т. е. буквально — «заморские». См., например:

⁵ Здесь и в ряде случаев далее ирландские топонимы переданы нами условно.

⁶ Составлены уже в XVII в.

793.7. Inis Pádraicc do loscadh la h-Allmuirechaibh, & sgrín Do Chonna do bhreith dhoibh, & inredha do dhenamh dhóibh chea etir Erinn & Albain. — *Остров Патрика сожжен заморскими, и рака До Хоны унесена ими, и нападения ими произведены на Эрин и Альбан.*

797.12. h-I Choluibh Chille do loscadh la h-allmurachaibh .i. la Nortmanoibh — *Иона Колума Килле сожжена заморскими.*

801.4. h-I Coluim Chille do ionnradh la h-allmhurachaibh, & sochaidhe mor dó laochaibh & do cléircibh do mharbhadh leo .i. ochtar ar thríbh fichtibh. — *Иона Колума Килле разграблена заморскими, и многие светские и клирики были ими убиты, т. е. восемь на трижды двадцать⁷.*

802.6. Inis Muiredhaigh do loscadh la h-allmhurachaibh, & a n-dol istegh for Ros Sat. — *Инис Муредах сожжен заморскими и они напали на Рос Кат.*

807.11. Ar lá Fíora Umhaill for allmhurachaibh. — *Нападение на Фйора Увал заморскими.*

807.12. Ar la h-allmhurachaibh for Chonmaicnibh. — *Нападение заморскими на Конмакнов.*

807.15. Ar la Cobhthach mac Maile Dúin, tighearna Locha Léin, for allmhurachaibh. — *Нападение заморских на Ковтаха сына Майлдуна, правителя Лох Лейн...*

Начиная примерно с 840 г. (или ранее) викинги получают другое название — *gall*, и одновременно в хрониках появляется такое их обозначение, как *lochlannaigh*⁸. Если последнему термину посвящена большая литература, в которой авторы пытаются дать как четкую дефиницию самого термина, так и его происхождение (к чему мы и обратимся ниже), то понятие *галлы*, употребленное по отношению к викигам, кажется нам незаслуженно обойденным вниманием. В Словаре ирландского языка (DIL) слову *gall* дается следующая дефиниция: a. a Gaul ‘галл’; b. a Scandinavian invader; c. an Anglo-Norman [DIL-G, 38], в то время как в англоязычных переводах ирландских текстов (в основном — хроник, а также ряда sag) твердо установилась традиция передавать его словом *foreigner* — ‘чужеземец, чужак, иностранец’.

⁷ См. процитированную нами запись в *Хронике скоттов*, где, видимо, это же событие датируется другим годом.

⁸ Обозначение викингов как язычников далеко не сразу выходит из описаний в *Анналах*, долгое время оба названия сосуществуют, как кажется, без конкретной спецификации.

Мы полагаем, что дефиниция DIL гораздо ближе к истине, поскольку, судя по текстам, «галлы» предстают именно как *invaders*, т. е. «оккупанты». Этим словом обозначаются викинги, которые уже прочно обосновались в Ирландии и имеют свои оккупированные территории на карте острова, причем, как правило, при слове *галлы* часто (но далеко не всегда) следует дефиниция: *галлы* Дублина (*Gaill Átha Cliath*), *галлы* Уотерфорда (*Gaill Phort Lairge*). Например:

AFM: 843.10 Sloighedh la Gallaibh Atha Cliath a c-Cluanaibh Andobhair, & argain leiss Chille h-Achaidh, & martradh Nuadhat mic Seigeni leo. — *Военный поход галлов Дублина в Клунав и разрушение ими Кил Ахада, и Нуад сын Сегена принял от них мученическую смерть;*

850.17 Ard Macha do fásughadh lá Gallaibh Linne Duachaille an domhnach iar c-Caisc. — *Армаг занят галлами Лиин Духала в воскресенье после Пасхи.*

884.16 Ar do thabhairt ar Ghallaibh Luimnigh la Connachtaibh. — *Разрушения от галлов Лимерика в Коннахте.*

Естественно, в приведенных примерах (которых могло бы быть на два порядка больше) речь идет о военных действиях, но в принципе об этом в основном и идет речь в ирландских анналах в целом, которые педантично рассказывают о том, кто когда на кого напал и что сжег и разграбил, причем в данном случае местные короли викингам не уступали, хотя их нападения, как правило, были не столь разрушительны и они не столь активно грабили монастыри и не оскверняли мощей святых. Как пишет Д. О' Коррань, «викинги были аутсайдерами и назывались галлы, в значении “чужие” до самого конца» [Ó Cogháin 1998a: 5]. Викинги, называемые «галлами», действительно описываются как «чужие», но при этом — чужие среди своих, а не появляющиеся время от времени захватчики⁹. То есть «галлы» не были *оккупантами* в современном русском смысле этого слова, хотя действительно на уровне этимологическом *оккупировали* — т. е. *занимали* — определенные территории.

---

⁹ Карта Ирландии раннего Средневековья вообще представляет собой не столько список территорий, сколько совокупность племен, не все из которых были по происхождению гойделами. Этническая инаковость некоторых из них ощущалась вплоть до начала VII в.

Особенно явно включенность «галлов»-викингов в этническую и политическую жизнь острова видна на примере *Книги прав* (Lebor na Cert), трактата, датируемого X в., в котором рассказывается о том, как именно во время традиционного объезда своих территорий местные короли должны одаривать подчиненных им королей, а те в ответ должны предоставлять содержание для короля и его свиты на строго определенное число дней и ночей и также выплачивать определенного вида дань. Так, галлы Дублина должны были получить от верховного короля Ирландии сто коров, тридцать женщин и сто мечей, тогда как сами должны были предоставить 700 соленых окороков, 700 кабанов, 700 быков, 700 коров, 700 плащей и 700 кастрированных баранов (см. [Dillon 1962: 186]). Этот пример ясно показывает, что перевод древнеирландского *gall*, употребленного применительно к викингам, сложен, поскольку ни по-английски, ни по-русски нет соответствующего понятия. Мы можем предположить, что для среднеирландского хрониста понятие «галлы» носило уже отчасти этнический характер: естественно, не в его этимологическом понимании (жители Галлии), но в новом — «население занятых скандинавами территорий». Их включенность в систему символического обмена, как может показаться, предполагала вполне мирное сосуществование с ирландскими королевствами, однако это не так. Точнее, это *так* в той же степени, в какой *не* предполагала мирного сосуществования установленная в *Книге прав* сложная система взаимообмена и иерархического подчинения низших королей высшим. Говоря о «включенности» поселенцев-викингов в политическую жизнь Ирландии того времени, мы должны скорее иметь в виду их включенность в систему постоянных распрей и не прекращающихся «малых войн».

Кроме собственно «галлов» в анналах и других источниках встречаются иногда интересные способы обозначения скандинавских оккупантов, за которыми стоит некое представление о том, что внутри себя группа викингов также не была гомогенной и что захватчики могли появляться изначально из разных районов Скандинавии и различаться этнически. Мы имеем в виду такие термины как *finngall* и *dubgall*, букв. «светлые галлы» и «темные галлы», первым обозначались викинги из Норвегии, вторым — из Дании. Интересно, что данная «цветовая спецификация» встречается уже в сочетании с корнем *gent-* ‘язычники’. Ср., например, *Ульстерские Анналы, запись* от 852 г.:

Lucht ocht .xxit long di Fhindgentibh do-roachtadur du cath fri Dubgennti do Shnamh Aighnech; .iii. laa & .iii. aithchi oc cathugud doaib act is re n-Duibhgennti ro m-meabaidh co farggabsat a ceile a l-longa leu. — *Группа из восьми двадцаток (160) кораблей из светлых язычников приплыла к Снав Айгнех ради битвы с темными язычниками, они сражались три дня и три ночи, но темные язычники взяли верх, так что те оставили им свои корабли.*

Видимо, этот же эпизод описан под 851 г. во *Фрагментарных Анналах*:

Тогда часовые норвежцев смотрели в сторону моря, и увидели они, как приближаются корабли. Ужас и страх охватили их: но некоторые сказали, что это корабли из Норвегии идут к ним на подмогу. Другие же, кто был умнее, сказали, что это даны, и спешат они, чтобы их погубить. И это было вернее. Норвежцы выслали тогда легкий корабль, чтобы разузнать все. Тогда легкий корабль, которым правил юный воин, приблизился к тем кораблям, то они спросили их: «Откуда вы прибыли по морю? Пришли вы с миром или с войной?». И такой ответ дали им даны: град стрел. Даны тогда победили в сражении и много норвежцев было убито. <...> Даны высадились на берегу и там продолжали битву, они захватили много жен норвежцев и их добра, которое награбили они в церквах и святых местах в Ирландии.

В оригинале «норвежцы» называются Lochlannaigh, а даны — Danar (отметим, что в редких случаях можно встретить и употребление Normandai).

Противопоставление «светлых галлов» «темным галлам» в анналах встречается часто, в том же случае, когда «цвет» галлов не указан, видимо, речь идет скорее о выходах из Норвегии, которых среди викингов было больше.

Викингам, постоянно живущим в определенных районах Ирландии, в анналах противопоставлены так называемые «лохланны», жители загадочного Лохланна, однако, строго говоря, данное противопоставление выдерживается не всегда и мы скорее можем говорить о неких устойчивых тенденциях к обозначению разных категорий скандинавских завоевателей разными терминами (галлы — скорее о скандинавских поселенцах в Ирландии, лохланны — скорее о пришлых захватчиках). Так, при описании битвы при Клонтарфе 1014 г. в разных источниках среди противников короля Бриана и объединенных сил ир-

ландцев упоминаются, как правило, и «галлы» Дублина, и лохланны, пришедшие к ним на помощь.

Например, из *Ульстерских Анналов*:

AU 1014.2 Laighin uile do leir i tinol ar a cinn & Gaill Atha Cliath & a coimlin do Ghallaib Lochlainne leó. .i. x.c. luirech. — *Весь Лейнстер собрался против них и галлы Дублина и отряды галлов из Лохланна, т. е. 90 доспехов.*

В то же время частое упоминание топонима Лохланн не позволяет говорить с полной определенностью, какое место имеется в виду, и, соответственно, какой этноним (и этноним ли?) в данном случае употреблен, однако очевидно одно: лохланны и галлы не являются идентичными племенными образованиями и если галлы изображаются как скандинавы, обустроившиеся в Ирландии, то лохланны — обычно пришедшие со стороны и даже иногда стоящие против галлов в оппозиции.

Например, очень важная цитата, которая в *Анналах четырех мастеров* датируется 846 г.:

AFM846.8

Cath oile ria n-Olchobhar, rí Mumhan, & ria Lorcán, mac Ceallaigh, rí Laighen co Laighnibh & Muimhneachaibh iompa for Ghallaibh, acc Scéith Nechtain, in ro marbhadh Tomhraid Erla, tanaisi righ Lochlainne, & dá céad décc uime. — *Другая битва была у Олховара, короля Мунстера, и Лоркана, сына Келлаха, короля Лейнстера со всеми лагенами и муманами над галлами у Скиат Нехтан, где был убит Торир ярл, танист короля Лохланна и двенадцать сотен с ним.*

Ср. аналогичное событие в *Ульстерских Анналах*, где оно датируется 848 г.:

AU 848.5: Bellum re n-Olcobur, rí Muman, & re Lorggan m. Cellaig co Laighniu for gennti ecc Sciaith Nechtain in quo ceciderunt Tomraid erell, tanise righ Laithlinne, & da cet dec imbi. — *Битва против Олcobара, короля муманов, и против Лоркана, сына Келлаха, с лагенами против язычников у Скиат Нехтан, где погиб Торир ярл, танист короля Лохланна, и двенадцать сотен с ним.*

В записи от 853 г. в *Ульстерских Анналах* галлы и лохланны противопоставлены еще более убедительно:

AU 853.2: Amhlaim m. righ Laithlinde do tuidhecht a n-Erinn coro gíallsat Gaill Erenn dó, & cis o Goidhelaib. — *Олав, сын короля Лохланна, пришел в Ирландию, так что покорил галлов Ирландии и (взял) дань от гойделов.*

Ср. в *Анналах четырех мастеров*:

AFM851.15

Amhlaoibh, mac righ Lochlainne, do theacht i n-Erinn, gur ro ghíallsatt i m-báttar do eachtair-chenélaibh i n-Erinn dó, & do-bert cíos ó Ghaoidhelaibh. — *Олав, сын короля Лохланна, пришел в Ирландию, так что подчинились ему чужие племена в Ирландии и он получал дань от гойделов.*

Обе цитаты очень интересны. В обеих фигурирует король Лохланна, причем в первом случае ему приписывается наличие наследника (употреблен ирландский термин «танист») либо первого помощника, во второй — говорится о неких чужих племенах, которые приняли сторону викингов, видимо, коллаборационисты, поддерживающие завоевателей (либо уже осевшие ранее на острове викинги). Но кто был королем Лохланна? И где Лохланн находился?

Этот же топоним *Lochlann* в более ранней форме фигурирует как *La(i)thlinn*. Интересно, что именно в такой форме он встречается не только в ранних записях анналов, но и в стихотворении, сохранившемся на континенте, но записанном явно в Ирландии: середины или начала IX в. (!), написанном на полях рукописи *Грамматики* Присциана, содержащейся в Санкт-Галленском монастыре:

Is acher in gaith in-nocht,
fu-fúasna fairgge findfholt:
ní-ágor réimm Mora Minn
dond láechraid lainn úa Lothlind.
[Thurneysen 1949: 39]

*Резок ветер сегодня ночью,
Он разъяряет море с белыми кудрями:
Мне не страшен бег Моря¹⁰ Звонкого
Для воинства дикого из Скандинавии.*

Ср. другой поэтический фрагмент из *Анналов четырех мастеров*, который в своей обзорной статье о лохланнах приводит Д. О'Коррань в качестве иллюстрации понятия *laithlinn* [Ó Corráin 1998 : 304]:

¹⁰ Muiú Meinn, букв. «Звонкое море», ирл. название Ирландского Моря.